

НИКОЛАЙ ГУДОШНИКОВ

ГЛУХАРЬ

РАССКАЗ

Раннее утро. Только что взошедшее солнце ярко польхает среди деревьев. Полузаросшая старая дорога с трудом пробивается через буйный подлесок молодого пихтача и ольховника.

Я уже второй час в пути. Иду на базу с итогами работ за месяц. Впереди меня бежит мой верный пёс Казбек. Вдруг он уткнулся носом в землю, закрутил хвостом и ринулся в чащу. Через несколько минут таёжное безмолвие всколыхнул громкий собачий лай. Догадываюсь: Казбек нашёл птицу. По привычке тянусь за ружьём, но тут же вспоминаю, что его нет. Стою и слушаю, как четвероногий друг настойчиво зовёт меня за верной добычей. Хорошо зная нрав собаки, способной лаять на птицу хоть целый день, решаюсь пойти и спугнуть, кто бы там ни был.

ГУДОШНИКОВ Николай Георгиевич родился в 1922 году в Удмуртии. С января 1942-го по май 1945 года участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Прошёл путь от командира взвода до начальника штаба батальона. Войну окончил под Прагой. Пять раз был ранен. Награждён орденом Отечественной войны второй степени, медалями "За отвагу" и "За победу над Германией". Закончил Московский политехнический институт по специальности "горный инженер-геолог". В середине 1950-х годов занимался изучением медных рудопоявлений в системе реки Большой Пит на Енисейском кряже. Больше двадцати лет проработал на поисках и разведке месторождений полезных ископаемых. Позднее работал гидрогеологом в Комплексной тематической экспедиции КГУ. С 1973 года серьёзно занимался краеведением, участвовал в создании Историко-родословного общества в Красноярске. Собрал богатейший архив — письма, слайды, фотографии — и частично передал его в краеведческий музей. Написал две рукописи воспоминаний — о фронтовых годах "Война глазами взводного" и о работе в геологии "20 лет в дебрях Приангарья". Скончался в 1994 году в Красноярске.

С этим намерением я свернул с дороги. Через полсотни шагов придорожная чаща поредела, начался чистый бор. Ещё издали заметил крупного глухаря, сидящего на толстом суку дерева.

Чёрное оперение птицы в солнечных лучах отливало воронёной сталью. Светлые места были похожи на блики металла. Подойдя немного поближе, я начал кричать и хлопать в ладоши. Глухарь, заметив меня, хотел, видимо, взлететь: сильно вытянул шею, приподнялся на ногах, всем корпусом подался немного вперёд. Но в последний момент остановился и замер, словно спортсмен в ожидании стартового сигнала.

Его грациозный силуэт чётко вырисовывался на безоблачной синеве неба и своим великолепием захватил моё внимание. Я остановился, чтобы полюбоваться таёжной царь-птицей. Такое не часто увидишь!

Я снова ударил в ладоши, свистнул. Глухарь не шелохнулся. Тогда я быстро пошёл прямо на него, не переставая шуметь. Собака, завидев подмогу хозяина, ещё яростнее залилась лаем. Глухарь подпустил меня к самому дереву. Сейчас до него оставалось не более пятнадцати метров. “Неужели и впрямь он обратил внимание на то, что человек идёт без ружья и его бояться не стоит?” — думал я, разглядывая пернатого таёжника, как музейное чучело. А он стоял надо мной с надменно поднятой головой и не обращал никакого внимания.

— Кши, кши! Пошёл! — закричал я опять, махая руками. Никакого эффекта! Тогда я снял накомарник и стал размахивать им — не помогает. Я уже не знал, как кричать и чем махать, чтобы его, наконец, спугнуть.

Неожиданно для себя я начал обеими руками враз хлопать по бедрам. Ого! Это уже на что-то похоже. Глухарь тотчас вышел из оцепенения, встряхнул крыльями, резко опустил голову до уровня сучка и стал меня бесцеремонно рассматривать. При этом почему-то всё время старался смотреть только одним глазом, забавно поворачивая голову. Мне казалось, что он то хмурит, то вздёргивает свои роскошные ярко-красные брови. Увидев, что впечатление произведено, я увеличил темп взмахов, сопровождая их резкими нечленораздельными звуками.

Мой бедный Казбек явно от недоумения оставил птицу и выпустил заряд собачьей брехни по хозяину. Если бы в тот момент он меня ещё и укусил, то я бы не рассердился за столь справедливое выражение гнева. Я сам на себя был зол за проявленную халатность. Будь ружьё — я бы на базу мог прийти с великолепным трофеем. А теперь вместо этого вынужден скомошничать перед глупой птицей.

Выкинув ещё несколько разнообразных колен, я остановился. Глухарь по-прежнему наводил поочередно свои монокли на странного охотника и к тому же издавал короткие трещоточные звуки, которые в данной ситуации я принял за возгласы одобрения:

— Bravo, bravo, маэстро! — слышалось мне. — Прощу ещё.

— Да улетишь ты, проклятая птица? — громко крикнул я и запустил в наглеца сучком, но промазал.

Глухарь пристальным взглядом проводил весь полёт палки и снова обернулся ко мне, явно выжидая, чем же я его ещё потешу. И потешил! Несколько минут я кидал в него чем попало, а он прогуливался взад-вперёд по сучку, следил то за полётом предметов, то за мной, когда я в поисках метательных средств ходил вокруг дерева.

Попасать было трудно. Но вот одна палка угодила в цель. Глухарь от удара потерял равновесие, однако не полетел, а распутив крылья, удержался на месте. Потом сообразил, что любопытство для него может кончиться плохо, бросил в мою сторону ещё несколько косых взглядов, медленно, словно нехотя, расправил могучие крылья и тяжело полетел в сторону реки.

Собака бросилась преследовать. Я пошёл обратно на дорогу, немало удивляясь загадочному поведению птицы.